

ПРОБЛЕМА НАУЧНОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СОВЕТСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Основная типологическая черта биографии как литературного жанра заключается в ее двойственной природе, в том, что биография является неразделимым диалектическим единством науки и искусства. Биографическое произведение - это произведение синтетического жанра. Следующее высказывание Белинского очень точно раскрывает психологическую природу биографии, роль науки и искусства в создании исторического литературного произведения:

«Задача историка - сказать, что было, задача поэта — «показать, как было; историк, зная, что было, не знает, как было; поэту нужно только узнать, что было, и он уже видит сам и может показать другим, как оно было. И поэтому, если наука оказывает поэзии услуги, сказывая ей о том, что было, то и поэзия, в свою очередь, расширяет пределы науки, показывая, как было»¹.

Каковы же роль и место науки в биографии? В чем научность биографии?

Биографическое произведение основано на фактах, но документальность - это основа жанра, а не его сущность. Критерий научности биографического произведения должен заключаться в интерпретации фактов, которая может быть научной и ненаучной. Американский критик Фред Б. Миллетт, например, считает, что «Ни биограф, ни историк не могут достичь полной объективности физической или биологической наук. Они не могут избежать влияния духа и характера эпохи, неотделимой частью которой являюся. По этой причине, ни исторические сочинения, ни биографии не могут достичь научной объективности или завершенности»². Эта точка зрения является очень распространенной в странах Западной Европы и США. Действительно, чтобы правильно интерпретировать факты, нужно владеть научной методологией анализа явлений общественной жизни, а такой методологией в настоящее время является только марксистско-ленинская методология. В применении к биографии марксистско-ленинская методология предполагает прежде всего изображение героя, проникнутое марксистским историзмом, основанном на диалектико-материалистическом понимании истории как социально-исторического, а в конечном счете социально-экономического процесса. В основе такого изображения лежит марксистское понимание роли личности в истории.

Итак, критерий марксистского историзма - единственный критерий при определении научности биографического произведения.

Совсем иное понимание научности, историзма биографического произведения существует в немарксистском, в частности, в американском литературоведении.

Историчность биографии долгое время вызвала в среде американских, и не только американских литературоведов - теоретиков биографического жанра споры о том, является ли биография частью истории или принадлежит всецело литературе. Карлейль и Эмерсон, например, отождествляли историю с биографией. Драйден в своем определении биографии пользовался этими двумя терминами как взаимозаменяемыми. Связь с историей, правильно угаданная ими, понимается весьма поверхностно и зачастую в корне неверно. Прежде всего она прослеживается в утверждении, что биография эквивалентна истории. Подобного мнения придерживается Д. А. Гэрретти, например, американский литературовед, автор книги: «The Nature of Biography» («Природа биографии»), одной из лучших работ по теории и истории биографического жанра. Гэрретти обосновывает свое мнение тем, что коль скоро биография - это история жизни отдельного человека, каждую биографию следует рассматривать как маленькую часть огромной мозаики, коей является история человеческого общества. Взгляд на биографию как раздел истории, характерный далеко не для одного Гэрретти, подверг критике с марксистских позиций Г. О. Винокур, отмечавший в своем глубоком теоретическом исследовании проблем биографического жанра³, что даже и в том крайнем случае, когда история понимается как свод биографий, сами герои - только кажущийся материал историка, так как его интересуют только такие поступки отдельных личностей, следствия которых выходят за пределы их чисто личной жизни, стоят в связи с творчеством культурных ценностей, общих для всего человечества. Для биографа же сами эти ценности - только признаки и проявления личной жизни, которая его собственно и интересует.

Следующую точку соприкосновения биографии и истории американские литературоведы видят в необходимости дать в биографическом произведении исторический фон, на котором действует герой жизнеописания. Этим и исчерпывается их представление о связи биографии и истории, об историчности биографического произведения. По существу, вопрос правильного исторического освещения образа и деятельности героя, его роли в истории подменяется при подобном взгляде на историчность биографии вопросом, как изобразить жизнеописание героя на фоне его окружения, среды, т. е. вопросом изображения внешних связей исторической личности с ее окружением и эпохой.

В американском литературоведении сложилась традиция рассматривать биографию как явление, расположенное на стыке истории и литературы, причем большинство литературоведов настаивают на ее непричастности к истории и близости к литературе. Подобный взгляд на исторический характер биографического произведения обусловлен непониманием исторической природы биографии, действительно не являющейся разделом истории, но исторической по своему существу, подменой внутренних имманентных связей случайными внешними, незнанием и непониманием исторической диалектики, законов развития общества.

В статье «ЖЗЛ»⁴ Луначарский, словно имея в виду американскую биографическую литературу, отмечает,

что буржуазных биографиях авторы в лучшем случае стремятся дать картину той эпохи и страны, в которой развивалась данная личность. Луначарский особенно подчеркивает мысль, что буржуазные писатели не обладают основным методом, при помощи которого решаются подобные задачи - методом диалектического материализма в его применении к истории культуры; они не имеют правильного критерия для оценки той или иной личности, т. е. для определения ее значения для нашего времени.

Очевидно, оценивая произведения писателей-биографов США, можно говорить лишь о стихийном историзме, свойственном методу критического реализма, о том насколько верно биограф угадал подлинное историческое значение деяний его героя.

Итак, научность американской биографии - в подлинно марксистском понимании этого явления - это тот идеал, к которому приближаются лучшие ее произведения, но который отнюдь не является ее характерной чертой, ее обязательной принадлежностью. В то же время теоретики американского биографического жанра настаивают на его все возрастающей научности. В чем же, по их мнению, заключается научность американской биографии?

Для современного американского литературоведения характерна подмена понятия «научность» понятием «документальность» — научным считается такое произведение биографического жанра, в котором автор всецело опирается на документ, в котором удельный вес документа в структуре художественного произведения наибольший.

Суммируя мнения американских литературоведов по этому вопросу, Гэрретти отмечает, что «...все биографии должны быть историчны и научны в том смысле, что все они стремятся к правде и основаны на материале, который может быть проверен»⁵. Биографическая правда, в их понимании, это «...то, чем был герой в действительности, это сумма всех выдающихся характерных черт, особенностей, действий и событий, идентифицирующих его и его жизнь»⁶. Фактически такое понимание научности и биографической правды сводится к усилению документального начала в биографическом произведении, к аккумуляции в жизнеописании возможно большего количества документального материала, к сковыванию творческой активности биографа в главном аспекте его творческого процесса - интерпретации фактов и документов. Подобное понимание биографической правды также в корне неверно - правда детали не есть правда характера, историческая правда личности.

Вполне понятно, почему, следуя такому пониманию научности биографического произведения, американские литературоведы, анализируя литературу биографического жанра, обходят молчанием творчество патриарха американского биографического жанра Ирвинг Стоун, писателя, хорошо знакомого советским читателям по романам «Жажда жизни», «Моряк в selle», «Муки и радости», «Греческое сокровище».

В своих лучших произведениях Стоун исторически достоверно воссоздает образы великих людей, дает правильную историческую оценку деятельности его героев, их роли и в истории. Биографические произведения Стоуна основаны на скрупулезном изучении документального материала о жизни его героев, их эпохи и окружения. Источником романа о Ван-Гоге, например, послужили многочисленные письма Ван-Гога к брату, встречи Ирвинга Стоуна с людьми, знавшими художника. Автор посетил все те места, где бывал его герой. «Я прошел всю Европу пешком» — вспоминал впоследствии Ирвинг Стоун, — «...от Голландии через Бельгию, и весь путь от Парижа до Арля до Сент-Реми, до Овера на Уазе, где Винсент жил и где он умер»⁷.

Огромная подготовительная, колоссальная исследовательская работа легла в основу стоуновского жизнеописания Микеланджело. Эти изыскания в латинских и итальянских архивах заняли более четырех лет. В результате Стоун явился первооткрывателем почти половины документального материала, положенного в основу романа «Муки и радости». Вместе с семьей писатель провел более двух с половиной лет в Италии, тщательно изучая и проникаясь духом тех мест, в которых прошла жизнь его героя. Чтобы почувствовать, что значит добывать мрамор и ваять по мрамору, Стоун работал некоторое время в каррарских каменоломнях, где работал и его герой, и даже специально изучил местный диалект, ныне устаревший.

В своих произведениях биограф неукоснительно соблюдает верность исторической детали, правде исторического факта. Но информация, извлеченная из документа, трансформируется в творческой лаборатории художника, отливается под его пером в биографический роман, в художественной структуре которого удельный вес документального материала незначителен, ссылок на документ почти нет, зато есть вымышленные диалоги и другие приметы fiction, литературы вымысла, хотя почти каждый эпизод книги может быть документирован. И потому произведения Стоуна для американского литературоведения недостаточно научны, как и недостаточно изучены все жизнеописания, облеченные в форму биографического романа.

Определяя степень научности произведения биографического жанра, американские литературоведы исходят, главным образом, из жанровой природы произведения, а не из критерия исторической достоверности образа героя жизнеописания, правильности определения его вклада в историю, в творчество культурных ценностей.

Биографическая правда в понимании современного американского литературоведения является вечным идеалом биографа, достичь которого, однако, невозможно, как осознают и сами американские литературоведы и писатели, размышлявшие о природе биографического жанра (Эмили Дикинсон, Уолт Уитмен, Гамалиэль Бредфорд, У. Д. Хоуэллс). Подобное понимание биографической правды и научности биографии имело определенную историческую ценность - сыграло положительную роль в пору борьбы с панегириком американской викторианской биографии, односторонним и, следовательно, искаженным отображением исторической личности в биографическом произведении. В настоящее время, однако, подобное понимание

биографической правды и научности биографии неостоятельно.

СНОСКИ

- ¹ Белинский В. Г. Эстетика и литературная критика, т. I, с. М., 1959, с. 672.
- ² Millett F. P. Cotemporary American Authors. N. Y., Harcourt, 1944, p.164.
- ³ Винокур Г. О. Биография и культура. — М.: Гос. Академия худ. наук, 1927.
- ⁴ Луначарский А. В. Ж. 3. Л. — Известия, 1933, 20 апр.
- ⁵ Garraty J. The Nature of Biography. N. Y., Knopf, 1957.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Lust for Writing. Newquist Roy Talks to I. Stone. — “Books and Bookmen”, 1966, May, № 8.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ